

Чиронова И.И.

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

Аннотация: Исследование концепта «Власть» в русском и английском языках предлагает лингвистический взгляд на политический дискурс через рассмотрение проблемы взаимосвязи языка и политики. Концептуализация действительности происходит с помощью языка, поэтому языковая практика играет важную роль в формировании значений политических понятий. В статье выявляются и описываются дифференциальные составляющие концепта «власть» в двух языках. Проведенный этимологический анализ концептов «власть», “power” и “authority” показывает, как в этих понятиях отражается исторический опыт носителей данных языков и как этот опыт влияет на современное понимание концепта. Сопоставительный анализ концептов в английском и русском политических дискурсах демонстрирует существенные отличия в содержании понятия. Своеобразие концепта «власть» в русскоязычном политическом дискурсе заключается в том, что в русскоговорящей культуре он выражает понятия обладания полномочиями и возможности повелевать и управлять, в то время как в англосаксонской политической культуре это прежде всего способность действовать, осуществлять господство. У англоязычного концепта выявлен еще один важный семантический признак – это «законная возможность действовать, полномочие, право». В русском языке в семантическом поле концепта «власть» значение законности отсутствует. В статье также анализируются эмоционально-оценочные особенности использования концептов в двух политических дискурсах через сопоставительный анализ ассоциаций, которые вызывают соответствующие слова-стимулы у людей, говорящих на русском и английском языках. С помощью лингвистического анализа делается новый шаг в осознании политических феноменов, а понимание особенностей восприятия концепта «власть» в разных политических культурах вносит определенный вклад в критические дискурсивные исследования.

Abstract: The study of the “power” concept in Russian and English languages presupposes a linguistic view of a political discourse via the analysis of interrelations between language and politics. The language is used for conceptualizing the reality, therefore, the legal practice plays an important role in establishing the meanings of political terms. The article uncovers and describes the differential elements of the “power”/“vlast” concept in the two languages. The etymological analysis of the terms “vlast”, “power”, and “authority” shows how the historical experience of native speakers is reflected in them, and how it influences the current understanding of this concept. The comparison between the concepts in English and Russian political discourses shows considerable differences in their contents. Specific features of the concept of “power” in the Russian political discourse is due to the fact that in the Russian-speaking culture it reflects the position of having competence and ability to rule and govern, while in the Anglo-Saxon political culture, it mostly refers to the ability to act and express dominion. The English language concept has another important semantic element, which is the “lawful ability to act, competence, right”. The semantic field of the Russian language concept lacks the element of “lawfulness”. The article also analyzes emotional evaluations of the concepts in two political discourses through the comparative analysis of associations caused by the stimuli words among the English and Russian speakers. Thanks to the linguistic analysis a new step towards understanding political phenomena is taken, and understanding of the specific features of the “power” concept in different political cultures has an input into the critical discourse studies.

Ключевые слова: власть, политический дискурс, русскоязычный дискурс, англосаксонская политическая культура, концепт, когнитивные исследования, лингвистический анализ, гипотеза лингвистической относительности, сопоставительный анализ, дискурсивные исследования

Keywords: power, political discourse, Russian language discourse, Anglo-Saxon political culture, concept, cognitive studies, linguistic analysis, hypothesis of linguistic relativism, comparative analysis, discourse studies.

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Сравнительный анализ понятийного аппарата англоязычной и русскоязычной политологии», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 году, грант № 13-05-0046.

Введение

В современном политическом дискурсе понятие «власть» является одним из основополагающих, активно употребляется носителями языка и может означать самые разные вещи, от власти идей до власти тирана. Появление власти связано с возникновением и развитием человеческого общества и неотделимо от него. В национальном сознании это многоплановое понятие ассоциируется с различными сферами человеческой жизни, например, с политикой, философией, экономикой и даже с мистическими явлениями. Феномен власти изучается и описывается различными науками с использованием разных методов и с разных точек зрения, и каждое научное направление выявляет в данном объекте определенные черты: политики связывают власть с понятием государственности, экономисты говорят о власти денег, философы – о власти морали. Однако во всех случаях используется одно понятие – «власть», обладающее определенными интегральными признаками, позволяющими применять его во многих сферах общественной жизни.

Предлагаемое исследование концепта «Власть» в русском и английском языках осуществляется в рамках когнитивной лингвистики, что предполагает рассмотрение концепта как мыслительной единицы, составляющей часть концептуальной картины мира и отражающей особенности мировосприятия народа, говорящего на данном языке. В задачу исследования входит выявление и описание дифференциальных составляющих концепта «власть» в двух языках, набора семантических признаков лексем, проявляющихся в разных контекстах в процессе политической коммуникации, а также проведение этимологического анализа концептов «власть», “power” и “authority”, чтобы посмотреть, как в них отражается прошлый исторический опыт носителей этих языков. В работе будут также проанализированы эмоционально-оценочные особенности использования концептов в англоязычном и русскоязычном политических дискурсах через сопоставительный анализ ассоциативных рядов. Это необходимо для получения более полного представления не только о понятийной стороне лексемы «власть», но и о существующей языковой реальности, отражающей весь спектр образных и эмоциональных значений.

Язык в политическом дискурсе

vs.

политический дискурс в языке

Взаимосвязь языка и политики хорошо известна. Еще Аристотель в своем знаменитом определении человека как «политического животного» связал общественную сущность людей с тем, что они единственные из всех живых существ наделены языком.

Политический дискурс не существует вне языка. Язык настолько важен для политической жизни, что это дало основание для утверждения, что «политика в очень значительной степени – это использование языка»¹. Роль языка при его эффективном использовании в политике огромна, поэтому очень важно исследовать языковые явления с точки зрения политического дискурса.

Взаимоотношения языка и политики можно исследовать в разных плоскостях. С одной стороны, это использование языка в политическом дискурсе для достижения определенных целей. Политические деятели и обслуживающие их политтехнологи хорошо осознают значение языкового фактора и умеют с помощью отработанных стилистических приемов и тщательно подобранных лексических оборотов создавать необходимый образ, востребованный в данный момент массовым избирателем. Речь идет о применении таких приемов, как использование определенных речевых регистров и метафор, об изменении порядка слов для достижения нужного коммуникативного эффекта, о приемах позитивной самопрезентации с одной стороны и о тщательном подборе/выборе стилистически окрашенной лексики для дискредитации своих оппонентов – с другой. Власть с помощью языка придает легитимность своим действиям, ставя язык на службу политике, идеологии также создаются с помощью языка. Проблемами языка как средства манипулирования и оказания воздействия занимается политическая лингвистика^{2, 3} и критиче-

¹ Chilton P. *Analysing Political Discourse. Theory and Practice*. – London, Routledge, 2006. – p. 14

² Чудинов А.П. *Политическая лингвистика*. М.: Флинта: Наука, 2006.

³ Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Современная политическая лингвистика: учебное пособие Текст.* / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2006.

ский дискурс-анализ⁴. Эти работы можно обозначить как изучение роли языка в политическом дискурсе.

В рамках другого направления с лингвистических позиций исследуется сам язык и то, как он отражает существующую политическую реальность, другими словами, рассматривается отображение дискурса в языке. Эти вопросы лежат в поле зрения когнитивной семантики. Два подхода соотносятся с двумя разными функциями языка. Политическую лингвистику в большей степени интересует коммуникативная функция, определяющая способы передачи информации, обмена мыслями и чувствами, а также методы воздействия людей друг на друга. Когнитивная семантика исследует язык, в том числе с точки зрения выполнения им номинативной функции, которая выражает способность языка к называнию предметов и явлений. Способность языкового знака в символической форме обозначать внеязыковую реальность и таким образом упорядочивать действительность (номинативная функция) непосредственным образом связана с познанием этой действительности посредством языка (когнитивная функция). Язык является инструментом мышления и отражением познавательных процессов, происходящих в сознании человека. Развивая это базовое положение, мы можем сформулировать следующий, крайне важный для исследования политического дискурса, вопрос: может ли язык определять или, в более мягкой формулировке, влиять на то, что и как думает говорящий на нем человек?

Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа со всей определенностью дает положительный ответ на этот вопрос. Данная концепция была разработана в 30-ые годы прошлого столетия двумя людьми: выдающимся американским лингвистом Эдвардом Сепиром и его учеником, этнолингвистом Бенджамином Ли Уорфом. Изучая языки американских индейцев, в частности то, каким образом в них находят отражение категория времени, ученые обнаружили, что у людей, говорящих на разных языках, членение действительности и восприятие жизни не одинаково. Уорф сопоставил способы выражения времени в известных ему европейских языках с тем, как это происходит в языках американских индейцев, и вывел зависимость культуры и быта народов от языкового выражения⁵.

⁴ Ван Дейк Тен А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013.

⁵ Whorf B. L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. – New York: Wiley, 1956.

Язык накладывает отпечаток на способ мышления и познания действительности, поэтому культуру, психологию и опыт любого народа необходимо изучать через его язык, поскольку язык является «символическим ключом к поведению»⁶. Идея о том, что в каждом языке заложено только ему свойственное представление о мире, восходит к философии Гумбольдта, выраженной в известном высказывании: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». Однако если Гумбольдт говорит лишь о существующей глубокой связи языка и мышления, то в теории Сепира-Уорфа речь идет о том, что структура языка определяет или активно влияет на способ познания действительности. Неудивительно, что именно эта гипотеза легла в основу известной теории непереводимости. Последователи Сепира-Уорфа в области перевода, опираясь на постулат о самобытности каждого языка, подчеркивали уникальность любого текста, созданного на этом языке, и утверждали, что своеобразие синтаксической структуры и лексического состава невозможно передать средствами другого языка. Это особенно очевидно при анализе словарного состава. Известно, что лексическое значение любого слова имеет сложную структуру, в которой наряду с сигнификативным значением или понятийным содержанием выделяется также коннотативное содержание, включающее экспрессивную окраску слова и все его эмоциональные характеристики. И если предметное содержание в большинстве случаев довольно легко поддается переводу, то этого нельзя сказать о передаче образной информации, содержащейся в слове, поскольку у каждого языкового коллектива создается своя уникальная образная система, которая не воспроизводима средствами другого языка и в другой культуре. У теории непереводимости было немало сторонников среди языковедов и теоретиков перевода, что никоим образом не помешало переводчикам-практикам продолжать заниматься своим ремеслом.

Гипотеза Сепира-Уорфа за многие годы существования имела и преданных сторонников, и страстных оппонентов, выходила из моды, с появлением теории лингвистических универсалий пережила время практически полного забвения, но с развитием когнитивного направления в лингвистике идея зависимости категорий мышления от категорий языка стала вновь интересна исследователям.

⁶ Darnell R. *Edward Sapir: Linguist, Anthropologist, Humanist*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990, p. 162

Концепт «Власть» в свете когнитивной лингвистики

Когнитивная лингвистика, в основе которой лежат данные психолингвистических исследований о существовании в мозгу человека невербальных концептов (квантов знаний), стала в настоящее время ведущим направлением языкознания. Основу когнитивного подхода к исследованию языка составляет идея о том, что с помощью языка происходит отражение реальности, а исследование значений языкового знака может помочь реконструировать образ действительности. Более того, представители когнитивного направления считают, что язык не только отображает реальную действительность, но и моделирует и интерпретирует ее. В значениях слов закладывается информация о мире, с помощью языка происходит членение мира, упорядочение предметов и явлений языковыми средствами и таким образом создается языковая картина мира – совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности в данный исторический период⁷. Слова формируют концепты, а концепты, в свою очередь, создают концептуальную картину мира, отражающую то, как человек смотрит на мир.

Концепт – это термин, объединяющий многочисленные теории представления знаний и описывающий ментальное образование, с помощью которого информация о мире отражается в сознании человека, структурируется и репрезентируется в языковой форме. В современной лингвистике сразу несколько научных направлений применяют термин «концепт», интерпретируя его по-разному и фокусируя внимание на важных для данной науки сторонах этого многогранного явления. Оставляя в стороне использование данного понятия в смежных научных дисциплинах (психологии, психолингвистике, когнитивистике, философии), обратимся к исследованию концепта в рамках когнитивного подхода, при котором делается акцент на ментальной сущности концепта и он определяется как оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, или как квант знания⁸.

Помимо ментальной составляющей когнитивное направление выделяет и исследует в концепте также понятийно-содержательное поле, используя методы

семантического анализа. При этом в вербальной реализации концепта семантическому анализу подвергаются все элементы семантической структуры слова (денотативные, коннотативные и сигнификативные значения). Однако, когнитивная семантика, в отличие от обычной семантики, не останавливается на описании различных значений слова, а идет дальше к «когнитивной интерпретации»⁹ полученной семантической информации, устанавливает причинно-следственные связи лексической единицы с окружающим миром, ищет зависимость слова как вербальной формы концепта от культуры народа, его фольклора, литературы, науки, исторического опыта и религии¹⁰.

Таким образом, рассматривая концепт как в качестве семантического образования, так и в качестве «единицы (фрагмента) картины мира, отраженной в человеческой психике»¹¹ (КСКТ, 1996, с. 90), его можно определить как «ментальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию другим людям, их значимость закрепляет в коллективном и индивидуальном опыте важные (и потому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны»¹².

В соответствии с методом моделирования концепта, предложенным Ю.С. Степановым, в концепте выделяются три структурных компонента или три «слоя»: (1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный или несколько дополнительных «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, историческими; (3) внутренняя форма, обычно не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме¹³.

Понятие основного признака не нуждается в объяснении, поскольку в нем содержится общеизвестная

⁷ Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., АСТ, Восток-Запад, 2007, с. 54.

⁸ КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. М., Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1997, с. 90.

⁹ Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., АСТ, Восток-Запад, 2007

¹⁰ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

¹¹ КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. М., Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1997, с. 90.

¹² Карасик В.И., Прохвачева О.Г. Иная ментальность. М., Гнозис, 2005., с.8

¹³ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., Языки русской культуры, 1997., с. 44

информация, осознаваемая всеми носителями данной культуры. В актуальном слое концепт существует для всех пользующихся данным языком и включен в коммуникацию. В дополнительном признаке актуализируются его исторические элементы, которые известны и/или значимы лишь для представителей отдельных социальных групп и актуализируются в основном при общении внутри данной группы. Внутренняя форма – это самый пассивный слой, который содержит этимологические признаки лексемы, осознаваемые только специалистами. Однако тот факт, что внутренняя форма не осознается, и восстанавливается лишь в виде этимологий, не означает, что эти оттенки значений не существуют для носителей данного языка. Для обычных людей она проявляется опосредованно, как основа, на которой возникают и держатся остальные слои значений¹⁴.

Некоторые исследователи рассматривают выделенные Ю.С.Степановым структурные компоненты концепта не как разные слои единого концепта, а как самостоятельные концепты, и выделяет в составе концепта понятийный, образный и ценностный компоненты¹⁵. Другие выделяют основные и дополнительные зоны или макро-, микрокомпоненты¹⁶. Существуют и иные способы структурирования концепта. Однако следует отметить, что у большинства исследователей нет принципиальных расхождений в понимании структуры концепта. В целом предложенной Ю.С.Степановым и ставшей уже классической структуре концепта соответствует выделение в концепте понятийного ядра, содержащего набор базовых денотативных характеристик, а также ближней и дальней периферии, на которых находятся дополнительные признаки в виде ассоциативно-образных и ценностных элементов содержания. Далее в работе мы продемонстрируем, как происходит развертывание концепта «власть» в соответствии с предложенной моделью.

Множественность проявлений власти: истоки и современные трактовки

Власть, одно из основополагающих понятий политического дискурса, несомненно, относится к базовым концептам нашей цивилизации и является универсальной категорией, присущей всем политическим

картинам мира. С точки зрения политолога на лестнице абстракций Дж. Сартори эта универсальная категория высшего уровня заняла бы первую ступеньку¹⁷. С семантико-когнитивных позиций «Власть» – сложный многоуровневый концепт, который как любая комплексная мыслительная единица в процессе мыслительной деятельности «поворачивается разными сторонами, актуализируя свои разные признаки и слои»¹⁸. Это многообразие смыслов выражается в полисемичной природе слова «Власть».

Многозначность слова приводит нас к проблеме вариативности в восприятии языка. В процессе коммуникации люди, как правило, исходят из того, что в любом обществе, или, по крайней мере, в пределах отдельных социальных групп, существует общее представление об основных понятиях и ценностях, выраженных теми или иными словами. Но не следует заблуждаться относительно того, что носители одного языка, употребляя политическое понятие, вкладывают в него одинаковый смысл. Известная формула рупора революции В.В.Маяковского «мы говорим Ленин – подразумеваем партия, Мы говорим партия – подразумеваем Ленин» работает в процессе коммуникации далеко не всегда, поскольку на семантическом уровне существует разница в восприятии и трактовке лексической единицы. В полемике мы часто бросаем оппоненту фразу: «Мы говорим на разных языках!», подчеркивая полное отсутствие единого понимания проблемы и, отсюда, – невозможность коммуникации.

Что же тогда говорить о реальном столкновении понятий, выраженных средствами разных языковых систем? На уровне двуязычной коммуникации выявить различия в значениях слова еще сложнее. Конечно, понятие «власть» относится к языковым универсалиям. Однако если мы вспомним известное высказывание Б. Уорфа о том, что «мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком»¹⁹, то становится очевидным, что концепт «Власть» имеет в сознании разных народов определенные оттенки смысла, которые носители данного языка могут и не осознавать. Если мы хотим понять, как мыслят носители определенного языка, нам придется исследовать, каким образом соотносится объем одного универсального понятия в разных языках.

¹⁴ Там же, с. 45

¹⁵ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / Карасик В.И.; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2002.

¹⁶ Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, Перемена, 2004., с. 6

¹⁷ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии. Часть 2. Полис №4 (75), 2003. – С. 152-161.

¹⁸ Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. с. 37

¹⁹ Whorf B. L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. – New York: Wiley, 1956, p. 213

Наша исследовательская задача дополнительно усложняется тем, что концепты не являются некими статичными образованиями, они постоянно развиваются, вбирая в себя изменения, происходящие в интерпретации действительности в процессе исторического развития. Объем содержания концепта меняется вместе с эволюцией политического явления: какие-то значения уходят, что-то остается, но видоизменяется, поэтому очень интересно посмотреть этимологию лексической единицы и развитие ее семантики, чтобы через эти трансформации определить, что волновало носителей языка и что было для них наиболее значимым в определенных исторические периоды.

Полисемия слова «власть» обусловлена его этимологией. Слово «власть» заимствовано из старославянского, где оно имело полногласный вариант «волость» и первоначально означало «область, территория, государство». Старославянское «власть» имеет общий корень и общие значения со словами в других языках: болгар. «власт», сербохорват. «власт», словенский last означало «владение», «собственность», чешское «vlást» и словацкое «vlást» – «родину», польское «włosc», латышское «valsts», литовское «valscius» – «волость»²⁰. Слово «власть» заимствовано из старославянского, где оно имело полногласный вариант «волость» и первоначально означало «область, территория, государство». Старославянское «власть» имеет общий корень и общие значения со словами в других языках: болгар. «власт», сербохорват. «власт», словенский last означало «владение», «собственность», чешское «vlást» и словацкое «vlást» – «родину», польское «włosc», латышское «valsts», литовское «valscius» – «волость»²⁰.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. выделяются четыре значения слова «власть». Первое упоминание наиболее древнего значения «господство, правление, владычество, верховная власть» относится к X веку («под властью царства нашего», «и тако скончаша власть Игорева»). В XIII веке у этого ядерного значения появляется дополнительная сема – деятельность наместника, управителя, распоряжающегося чем-либо на местах («и власть себя разделиша: цареви – град, дужеви – десятина»). Второе значение – «органы власти, духовные и гражданские лица, облеченные властью» также является очень древним и относится к XII веку («из городов власти и выборные люди лучшие к Москве съехалися»). Третье значение репрезентируется уже упоминавшимся словом «волость» и означает область, удел или княже-

ство, находящиеся под одной верховной властью («убог муж и во своеи власти ненавидимъ естъ»). Позднее, в XVI веке, появляется еще одно значение – «властность, возможность, право поступать по своей воле» («и не дай же ему [сыну] власти во юности»)»²¹.

В XVIII веке семантический объем понятия несколько изменился. В значении «право повелевать, управлять» появляются просторечное употребление «вести власть», то есть иметь во власти («боярыня всю в доме власть вела») и дополнительный оттенок значения: вести себя повелительно, властно («говорил с такою властью»). Семы «страна, область, владение» и «лица, облеченные властью» перешли в следующий век почти без изменений, только в последнем случае появилось устойчивое словосочетание «власти придерживающие» («всяка душа властям придерживающим да повинуется»). Последнее значение «властность, сила, могущество» значительно расширяется, приобретая дополнительное переносное значение «власть красоты», «власть любви», а также ряд фразеологических единиц – «от всея власти» (изо всех сил), «со всею властью» (сильно, энергично). В этот период появляется новое, пятое значение слова – право управления государством, обществом; политическое господство. Это значение выделилось из основной и самой древней семы «господство, право повелевать» в связи с эволюцией политической системы и появлением понятий общества и государства («власть в обществе есть не что иное, как право повелительства над ним»)»²². Показательно, что это новое значение очень быстро вытеснило из коллективного сознания остальные элементы. Так, в до-революционном Энциклопедическом словаре русского библиографического института Гранат статья «Власть» фактически отсутствует. Если открыть Словарь на соответствующей странице, то мы увидим там ссылку «См. Государственная власть». Таким образом, понятие «власть» становится тождественным государственным институтам власти.

В современной трактовке ядро концепта «власть» репрезентируется с помощью трех базовых значений:

1. Господство, владычество, повелевать, распоряжаться – «быть в чьей-либо власти»;
2. Могущество, влияние, сила – «власть закона», «власть денег»;
3. Управление, имеющее следующие оттенки смысла:

²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева / Под ред. Б.А.Ларина. Изд. 2-е. В четырех томах. М., «Прогресс», 1986.

²¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 / Под ред. С.Г. Бархударова. М., Наука, 1975. с. 221–222.

²² Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3 (Вък-Воздувать), под ред. Ю.С.Сорокина. Л., Наука, 1987. с. 205–208.

3.1. Право и возможность управления – «президентская власть»;

3.2. Форма управления – «законодательная власть»;

3.3. Органы управления, включая должностных лиц, наделенных властными полномочиями – «местные власти».

3.4. Должностные лица, наделенные властными полномочиями – «местные власти».

Теперь обратимся к английскому языку. Традиционным и наиболее частотным заместителем русского слова «власть» является английское «power». Это наиболее близкий лексический эквивалент, который отражает самые важные базовые значения концепта (1, 2, 3.1, 3.2). Однако для полного описания всех компонентов значения концепта «Власть» необходимо добавить семантические признаки английского слова «authority», восполняющие недостающее значение (3.4).

В основе понятия «власть» во многих европейских языках лежат латинские слова “potestas” и “potentia” со значением «способность что-то сделать», от которых и произошла английская лексема “power”. Это значение (ability to act or do) было впервые зафиксировано в английском языке ок. 1300 года и является первым древнейшим смыслом слова “power”. Далее по убыванию представлены значения «сила, мощь», «эффективность, действенность», «военная сила, армия» и др.²³

Интересно отметить, что Э.Бенвенист, автор известного «Словаря индоевропейских социальных терминов», в котором рассматриваются базовые культурные и социальные концепты человеческого общества, очерк о понятии «Власть» называет *Autoritas*. Исследуя латынь и понимание власти в Древнем Риме, Э.Бенвенист показывает, что власть была связана с понятием авторитета и ассоциировалась с сенаторами, которые торжественно изрекали свое авторитетное мнение, утверждали истину, которой надлежало подчиняться.

При рассмотрении еще более древних исконных значений удалось доказать связь между словами *autoritas – auctoritas – auctor*. Словом *auctor* древние обозначали того, кто «проводит в жизнь», берет на себя инициативу, организует и обеспечивает. И в самую последнюю очередь это был наш современный «автор». Соответственно, производное от него *auctoritas* забирает эти древние смыслы и приобретает значение «акт творения, или качество, предустановленное верховным магистратом, или достоверность какого-то свиде-

тельства, или действенность какой-то инициативы»²⁴. Таким образом, этимологический анализ позволяет нам выделить два основных значения слова: «авторитет» и «активное действие».

Современное понимание власти в двух политических дискурсах сформировалось в процессе самобытного исторического развития каждого народа, и этот факт необходимо принимать во внимание политологам, так как «знание концептных историй, то есть того, как смыслы наследовались в словах и делах, открывает возможности для более продуманной и эффективной политики»²⁵. Тем более что изначальный исконный смысл концепта «power» как *способности* действовать, осуществлять господство или управлять, сохранился до сих пор и выражается в том, что современное лексикографическое описание основных значений этого понятия происходит через лексему *ability* (способность делать). Так, значение влияния и господства описывается как “ability to do or effect something, to act upon a person or a thing”; значение могущества и силы как “ability to act or affect something strongly”²⁶. В концепте «authority» также сохранились семы «брать на себя инициативу, активно действовать» и «авторитет». Концепт «власть» демонстрирует значительные сущностные отличия.

Своеобразие концепта «власть» заключается в том, что в русском языке имеется однокоренной глагол «владеть», а также однокоренные имена существительные «властитель» и «властелин». В английском языке ни аналогичного глагола, ни отглагольных существительных не существует. Владеть – значит иметь в собственности, быть властелином – это быть хозяином, иметь неограниченную возможность распоряжаться. Таким образом, в русскоязычном политическом дискурсе концепт «власть» на лексическом уровне ассоциируется с понятиями собственности, владения и обладания. Можно предположить, что таким образом в современном словоупотреблении частично актуализируется пассивный, исторический признак – власть (волость) как территория, которая находится во владении, под властью. Это та самая внутренняя форма слова, которая с точки зрения когнитивной семантики представляет собой один из «слоев» концепта и которая не осознается носителями языка, но является основой для

²³ Oxford English Dictionary. Vol. VII (N-Poy) /4th edition. Oxford: Oxford University Press, 1978. p. 1212-1215.

²⁴ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр./ Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С.Степанова. М., Прогресс-Универс, 1995. с. 326-330.

²⁵ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. с. 8.

²⁶ Oxford English Dictionary. Vol. VII (N-Poy) /4th edition. Oxford: Oxford University Press, 1978. p. 1216.

остальных, более современных значений. Соответственно, властитель – это хозяин; тот, кто владеет территорией и распоряжается ей по своему усмотрению. А поскольку одной из основных функций концепта «власть» в русском языке является репрезентация субъектов власти, то выстраивается логическая цепочка: местные и другие органы власти, то есть чиновники, имеют в собственности определенную территорию, неограниченно распоряжаются ею и чувствуют себя на ней полноправными хозяевами. Таким образом, для носителя русской культуры власть – это, прежде всего *обладание* полномочиями и *возможность* повелевать и управлять, а необходимость *быть способным* совершать эти властные действия, имплицитно заложенная в английском концепте «power», семантически никак не выражена. В свою очередь у концептов «power» и «authority» нет импликаций собственности, территории и обладания, которые присущи русскоязычному концепту.

Кроме того, у концепта “power” есть еще один важный семантический признак – это «законная возможность действовать, полномочие, право» и «законное делегирование полномочий, доверенность» (legal ability, capacity to act; a document giving legal authority). Например: buying power – полномочия на совершение сделки; general power – общие полномочия; power of attorney – доверенность. В русском языке в семантическом поле концепта «власть» сема законности вообще отсутствует.

Как было отмечено выше, в структуре концепта помимо понятийного ядра, которое мы только что рассмотрели, присутствуют также дополнительные признаки, включая образную и оценочную составляющие концепта. Эти важные когнитивные признаки показывают, как интерпретируется данное понятие носителями языка в процессе его осмысления и использования в дискурсе, какие мифологические представления о концепте свойственны данной культуре.

Ассоциативное поле власти

Понятийные характеристики, составляющие ядро концептов в двух языках, могут быть дополнены второстепенными признаками, в которых проявляется присущая каждому концепту метафоричность. Концепт воспринимается носителями языка не только в денотативной плоскости. Помимо понятийной стороны явления в речи и в сознании актуализируется также и весь образный пласт значений, включая характерные для данной культуры ассоциации и эмоциональные оценки. Связь плана содержания концепта с действительностью выражается, в том числе и в ассоциациях, возникающих у носителей данного языка и данной культуры в связи с данным концептом.

В Русском ассоциативном словаре отмечается, что слово-стимул «власть» вызывает у представителей русской культуры следующие основные ассоциации (в убывающем порядке по степени представленности): деньги, сила, жестокость, правление. У слова «власти» ассоциативный ряд несколько иной: правление, парламент, президент, деньги, закон, политика²⁷.

Данные о реакции на слова-стимулы “power” и “authority” заимствованы из Эдинбургского ассоциативного тезауруса²⁸.

Слово “power” дало следующий ассоциативный ряд: strength, force, might, government, politics. Слово-стимул “authority” представлено реакциями: law, police, power, discipline, government, justice, rule. К сожалению, в тезаурусе отсутствует информация о реакции на слово “authorities”, которое помогло бы нам более точно выделить из полисемичного понятия “authority” интересующие нас значения, поэтому полученный ассоциативный ряд не может считаться полностью репрезентативным, однако общее представление о восприятии данного концепта носителями языка получить можно.

	Authority	Power	Власти	Власть
Деньги	-	-	-	+
Сила	-	+	-	+
Жестокость	-	-	-	+
Правление	+	+	+	+
Парламент	-	+	+	-
Президент	-	-	+	-

²⁷ Русский ассоциативный словарь. В 2т. Т.1. От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов/ Ю.Н.Караулов и др. М., ООО «Издательство Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», с. 95.

²⁸ EAT: The Edinburgh Associative Thesaurus – <http://www.eat.rl.ac.uk/>.

Закон	+	-	+	+
Политика	-	+	-	+
Справедливость	+	-	-	-
Полиция	+	-	-	-
Дисциплина	+	-	-	-

В таблице приведены данные по наиболее часто встречающимся ассоциациям, которые возникают у носителей языка в связи с рассматриваемыми концептами.

Очевидно, что информация, полученная на основании анализа только одного для каждого слова-стимула ассоциативного словаря, не может дать полное представление об образно-оценочной составляющей концептов. Необходимо провести масштабные ассоциативные эксперименты, в которых участвовали бы представители обеих культур и в которых были бы выделены различные виды ассоциаций. Однако в любом случае мы можем получить некоторое понимание того, какие элементы актуализируются в сознании носителей культуры, когда они слышат слова «власть», “power” и “authority”.

Из таблицы видно, что в обоих политических дискурсах рассматриваемые концепты, прежде всего, ассоциируются с силой (strength, force, might), политикой и с институтами, репрезентирующими власть (парламент). Институты и представители власти (концепты «authority» и «власти») в одном случае ассоциируются с законом, справедливостью, дисциплиной и полицией, а в другом – с законом и президентом. Для американских и британских граждан законный представитель власти, к которому можно обратиться за справедливостью – полицейский, а для нас власть – это президент, который при этом не ассоциируется со справедливостью. Интересно также проследить ассоциации концептов, описывающих власть в двух языках, с понятиями «деньги» и «коррупция». Только русскоязычные респонденты показали ассоциативную связь власти с деньгами. Слово “power” также дало реакцию в виде ассоциата «коррупция», но у очень незначительного числа респондентов, поэтому результат не нашел отражения в таблице. В русскоязычном политическом дискурсе слово-реакция «деньги» на стимул «власть» имеет высокую частотность. Эти данные наводят на некоторые размышления. Например, почему у носителей русского языка не выявлена ассоциация власти с коррупцией, когда отождествление этих двух понятий в СМИ стало общим местом? Для точного ответа на этот вопрос необходимо провести дополнительные психолингвистические эксперименты, проливающие

свет на то, как в массовом сознании отражаются различные концепты. Пока же представляется логичным следующее объяснение: русскоязычные респонденты использовали более общее понятие «деньги» вместо понятия «коррупция», поскольку, по их мнению, власть – это доступ к материальным ресурсам (деньгам) в разных видах, где коррупционные схемы являются лишь одним, далеко не единственным, способом обогащения. Обращает на себя внимание также то, что в англосаксонской политической культуре власть – это сила, а в русской – это сила плюс жестокость.

Заключение

Концептуализация действительности происходит с помощью языка, поэтому языковая практика играет важную роль в формировании значений политических понятий. Различные смыслы формируют значение концепта и, соответственно, особенности его национального понимания и использования. Таким образом язык оказывает влияние на политический дискурс. Семантическая структура слова «власть» и его этимология, отражающая прошлый опыт, ограничивают носителей языка и в какой-то мере навязывают им исторически сложившееся понимание власти. Язык создает реальность, в которую мы верим и воспринимаем ее как данность. Люди уверены, что их представление о значении понятия разделяется их партнерами по коммуникации. Если в политической коммуникации участвуют представители двух разных культур, то происходит столкновение разных реальностей, выраженное в разном объеме значений обсуждаемых понятий.

Представим следующую ситуацию. Политологи проводят исследование о том, как граждане в разных странах относятся к институту власти. Они проводят опросы, обрабатывают статистический материал и выясняют, что отношение это значительно отличается. На этом основании будут сделаны выводы, например, об особом пути развития данного народа или о его неготовности к демократии. Но насколько правомерными будут эти выводы? Отношение к какому слову выразят американские граждане? Скорее всего, в опросе будет

использовано слово «power» как стандартный заместитель русского понятия «власть». Соответственно, респонденты опишут свои ощущения в связи с набором значений, входящих в этот концепт. А русскоговорящие респонденты будут думать о «власти», которая объединяет смыслы «power» и «authority», то есть о совершенно другом явлении.

Задолго до начала новой эры родоначальник народной комедии древнеримский комедиограф Плавт сказал: «Всякий слышит лишь то, что понимает». Со времен Древнего Рима мало что изменилось: и сегодня мы слышим совсем не то, что нам говорят, а вернее понимаем услышанное по-своему, сообразно собственным представлениям о мире. Поэтому так важно выявить эти неосознанные представления, проявляющиеся особенно ярко при столкновении аналогичных концептов в разных языках. Данное исследование и другие, сделанные в этом же направлении, помогут заметить особенности национального восприятия, проанализировать их и сделать новый шаг в осознании специфики собственной политической картины мира. А возможно, и внесут определенный вклад в критические дискурсивные исследования политической науки.

Библиография:

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр./ Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М., Прогресс-Универс, 1995.-456 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика: учебное пособие Текст. / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов.-Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2006.-. 267 с.
3. Ван Дейк Тен А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.
4. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 432 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / Карасик В.И.; Волгогр. гос. пед. ун-т.-Волгоград: Перемена, 2002.-477 с.
6. Карасик В.И., Прохвачева О.Г. Иная ментальность. М., Гнозис, 2005.-352 с.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз.-М., 1993.-Т. 52, № 1.-С. 3–9.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 189 с.

9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., АСТ, Восток-Запад, 2007. – 315 с.
10. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии. Часть 2. Полис №4 (75), 2003. – С. 152-161.
11. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, Перемена, 2004. – 260 с.
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., Языки русской культуры, 1997.-989 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева / Под ред. Б.А.Ларина. Изд. 2-е. В четырех томах. М., «Прогресс», 1986. Тома I-IV
14. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006.-254 с.
15. Chilton P. Analysing Political Discourse. Theory and Practice. – London, Routledge, 2006. – 226 p.
16. Darnell R. Edward Sapir: Linguist, Anthropologist, Humanist. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990
17. Whorf B. L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. – New York: Wiley, 1956.

References (transliteration):

1. Benvenist E. Slovar' indoeuropeiskikh sotsial'nykh terminov: Per. s fr./ Obshch. red. i vstup. st. Yu.S. Stepanova. M., Progress-Univers, 1995.-456 s.
2. Budaev E.V., Chudinov A.P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie Tekst. / E.V. Budaev, A.P. Chudinov.-Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2006.-. 267 s.
3. Van Deik Ten A. Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Per. s angl. – M.: Knizhnyi dom «Librokom», 2013. – 344 s.
4. Il'in M.V. Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1997. – 432 s.
5. Karasik V.I. Yazykovyi krug: lichnost', kontsepty, diskurs: monografiya / Karasik V.I.; Volgogr. gos. ped. un-t.-Vologograd: Peremena, 2002.-477 s.
6. Karasik V.I., Prokhvacheva O.G. Inaya mental'nost'. M., Gnozis, 2005.-352 s.
7. Likhachev D.S. Kontseptosfera russkogo yazyka // Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz.-M., 1993.-T. 52, № 1.-S. 3–9.
8. Popova Z.D., Sternin I.A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike. – Voronezh, 2001. – 189 s.

9. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. M., AST, Vostok-Zapad, 2007. – 315 s.
10. Sartori Dzh. Iskazhenie kontseptov v sravnitel'noi politologii. Chast' 2. Polis №4 (75), 2003. – S. 152-161.
11. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty. Volgograd, Peremena, 2004. – 260 s.
12. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniya. M., Yazyki russkoi kul'tury, 1997.-989 s.
13. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Per. s nem. i dop. O.N.Trubacheva / Pod red. B.A.Larina. Izd. 2-e. V chetyrekh tomakh. M., «Progress», 1986. Toma I-IV
14. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika. M.: Flinta: Nauka, 2006.-254 s.
15. Chilton P. Analysing Political Discourse. Theory and Practice. – London, Routledge, 2006. – 226 p.
16. Darnell R. Edward Sapir: Linguist, Anthropologist, Humanist. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990
17. Whorf B. L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. – New York: Wiley, 1956.